

СОДЕРЖАНИЕ

ТРУДНО БЫТЬ ПАПОЙ	7
Главные песни	9
Зачем рычать на собаку	13
Защита от защитника	16
Верх банальности	18
Змей	20
Две разрушенные дороги	23
Как стать добрым богом	26
Торопись!	28
ОБЫКНОВЕННОЕ ХАМСТВО	30
ПАПА БЕЗ ГРИМА, или Частное мнение отца	
об охлаждении веры в детях	37
Все равно люблю	40
Маленькие христиане.....	42
Исцелися сам	45
ПАПА И БОЙЦОВСКИЙ КЛУБ, или Нужно ли учить	
мальчиков драться?.....	47
Странное хобби мамы	52
Борис и Глеб спешат на помощь	54
Иллюзии уходят, хулиганье остается	57
Всё, пацаны, детство кончилось.....	61
ХОДИТЬ ПО ВОДЕ, или Как пережить кризис при	
помощи пшенички	65
Яйцо протеста.....	67
Играй, оркестр!	69
Последняя надежда	71

Пора на кладбище.....	74
Сало	78
ПАПА НЕ ГОРЮЙ	81
Потолок	85
Кто первым встал, того и тапки... ..	87
Против течения	91
Общая беда	94
КОГДА ЗАВЯНУТ ПОМИДОРЫ. Мужские размышления о главной причине разводов	98
СВОЛОЧНАЯ ЖИЗНЬ	116
Глупый обет	121
Танцы на краю	124
Крысы.....	140
Сломанный штакетник	143
Благоустройство собаки	146
Шмели на куполе	151
«Зверь» Серега	153
ПАПА ИДЕТ ОБНИМАТЬСЯ	159
Нам не дано предугадать... ..	162
Аминь. И ура!!!.....	165
Кит улыбается	167
Детство повара	169
Об уверенности, защите и любви.....	171
Мужики	173
ТРУДНОСТИ ПЕРЕХОДА.....	176
Маме не говори!	179
Я покажу вам шоу со столешницей	182
Или панк, или пропал.....	185
За что меня так больно жрешь?	190
Мужик, с которым можно на «ты»	194

ТРУДНО БЫТЬ ПАПОЙ

Папой быть трудно. И созвучие с известным романом Стругацких тут отнюдь не случайное: ведь папа для детей тоже в известном смысле божество. В их глазах он всемогущ и всеведущ, он все знает и все умеет, он карает и милует, он закрывает собой от бед и грозно спрашивает с провинившихся. Вопрос лишь в том, каким богом ты станешь для своих детей.

А вариантов тут как минимум три. Папа может быть для ребенка добрым божеством, несущим мир, радость и веру в добро. Может стать грозным демоном, оставляющим в детской душе целый набор страхов, комплексов и травм на всю жизнь. А может оказаться и «божеством спящим», чем-то вроде индуистского Браммы, когда папа у детей вроде бы есть, но его как бы и нет, поскольку он целиком погружен в свое бесконечно-глубокое и безмерно-содержательное личное бытие.

Два последних варианта не требуют особых усилий. Но вот быть добрым папой действительно трудно. Уже потому хотя бы, что для этого нужно перестать быть злым и ленивым.

Трудно быть папой

В моей папской жизни все эти три ипостаси оказались переплетены в причудливый узор. Где-то хуже, где-то лучше, с ошибками и потерями осваивал я эту сложную науку — быть папой. Какие-то ошибки удалось исправить, какие-то потери оказались невосполнимыми. И конечно же я сделал для себя несколько важных выводов. Возможно, кому-то они покажутся банальными, но это не беда — чем дольше живу, тем больше убеждаюсь: все важные вещи в этой жизни банальны. Дети мои уже выросли, и выводы эти — своего рода подведение итогов моего отцовства.

ГЛАВНЫЕ ПЕСНИ

Смолоду я очень хотел стать профессиональным музыкантом. Неплохо освоил гитару, сочинял музыку, играл в нескольких группах. Вся моя жизнь была заполнена музыкой, все ценности соотносились только с ней, и других смыслов для меня тогда не существовало. Потом я женился, у нас с женой один за другим родились трое мальчишек, а вслед за ними — долгожданная дочка. Времена были непростые, ремеслом музыканта зарабатывать на жизнь тогда было трудно, и я ушел трудиться на стройку, каменщиком. А музыку решил оставить. Чтобы ничего не напоминало о былой любви, продал все свои гитары, пластинки и целиком погрузился в новую для меня роль — мужа, отца и кормильца. Но в глубине души продолжал ощущать себя талантливым музыкантом, наступившим на горло своей песне ради семьи и детей.

Прошло несколько лет. Однажды я приехал в гости к своему другу, с которым когда-то вместе играли, сочиняли, мечтали об успехе. Друг, в отличие от меня, продолжал музицировать, у него уже была своя студия, он творил, записывал альбомы, выступал с концертами. А я все это время штабелевал обледенелый кирпич на морозе, таскал ведрами цементный раствор на пятый этаж, слушал завывания

двигателя башенного крана и матерщину бывалых строителей, учился вести кладку...

И конечно же я ему завидовал. В нем я словно бы видел свою несостоявшуюся судьбу — ту, от которой отказался, уйдя работать на стройку.

Друг поставил мне свой очередной альбом. Это была именно та музыка, которую мы когда-то собирались записывать вместе. И так мне стало грустно, так стало жалко себя, что я сказал:

— Какой же ты молодец! После тебя останутся твои песни, произведения. А после меня лишь груды кирпича, которым я придавал форму.

Друг посмотрел на меня удивленно. Потом засмеялся и кивнул на своих детей, возившихся на полу с кубиками:

— Вот они, мои настоящие произведения и песни. А это все, — он махнул рукой в сторону музыкального центра, — ерунда. Приятное баловство.

Честно сказать, тогда я ему не поверил, решил, что кокетничает мужик или просто утешить меня хочет. Сейчас, спустя двадцать лет, я с полной уверенностью готов подписаться под этими его словами. Друг по-прежнему занимается музыкой, а я давно уже ушел со стройки. Он с тех пор выпустил еще десяток альбомов, я — пару десятков книжек. И теперь тоже уверен, что главное произведение мужчины — его дети. Потому что музыкальные альбомы и книжки, будучи однажды выпущенными в свет, тут же начинают уходить в прошлое, сколь бы хороши они ни были. А дети всегда устремлены в будущее. Причем

не в какое-то абстрактное будущее, а именно в твое, единственное и неповторимое. Это им, твоим детям, предстоит сделать его счастливым и радостным. Или тягостным и лишенным смысла. Или беспросветным и ужасным. И от того, насколько быстро в молодые годы ты сумеешь понять эту нехитрую мысль, зависит вся твоя последующая жизнь.

Смолоду мужчинам очень хочется самореализации, хочется доказать себе и всему миру, что они тоже чего-то стоят и не зря топчут землю. Это нормальное мужское стремление. Но беда тем мужчинам, кому оно заслонит маленькое чудо, которое пока еще совсем не похоже на какое-то достижение и просто лежит себе в кроватке, агукает или плачет, просит есть или играет с погремушкой. Беда, если папа воспринимает детей лишь как некий неизбежный довесок к своим творческим или карьерным амбициям. Потому что пройдут годы, представления о целях и смыслах постепенно будут меняться, амбиции будут все слабее и наконец совсем угаснут. А дети останутся — уже взрослые, сильные, полные жизни. И от того, каким богом ты был для них все это время, будет зависеть, увидишь ли ты в них любящих друзей, равнодушных знакомых или же ненавидящих тебя врагов.

ЗАЧЕМ РЫЧАТЬ НА СОБАКУ

Папа в детстве — это прежде всего сила. Это твоя защита и уверенность в том, что любая угроза, с которой ты не можешь справиться сам, будет немедленно развеяна в пух и прах, как только ты позовешь своего всемогущего папу.

Поэтому папа должен быть сильным. А может и не быть сильным. Но жить он все равно должен так, чтобы дети видели в нем безусловную защиту от любой опасности. И не важно, что это будет — школьные хулиганы, пьяный мужик на улице или злая соседка, орущая на них за пустой стаканчик от мороженого, брошенный мимо урны. Не важно, правы дети в таком конфликте или виноваты. Важно только одно: это твои дети и никто на свете не имеет права их обижать, пока ты жив. Это уже потом, если выяснится, что они набедокурили, ты сам их и вразумишь, и накажешь. Но если во время конфликта ты по каким-то причинам вдруг встанешь на сторону обидчиков, в глазах твоих детей это будет самым настоящим предательством, которое может изломать вашу дружбу на много лет, а то и десятилетий.

Мне эти простые истины давались очень трудно. Сам я рос без отца, поэтому представление о своих папских обязанностях строил по принципу

восполнения собственного детского опыта — вспоминал, чего мне самому не хватало в этом смысле, когда я был маленьким. И в меру сил старался дать это своим детям. Правда, иногда это происходило в весьма странных формах.

Помню, когда дети были совсем еще мелкими, мы всей семьей отправились в лес на пикник. Разожгли костер, расстелили на траве покрывало, стали жарить на палочках хлеб. Вдруг из кустов выскочила крупная собака, кажется, ротвейлер. И с рычанием кинулась на нас, раскрыв здоровенную слюнявую пасть. Воевать со сторожевыми псами я, конечно, не умел, да и вообще никогда не отличался особой смелостью. Но в тот раз, не тратя времени на поиск палки или топора, мигом вскочил с земли, тоже зарычал и кинулся навстречу собаке, нелепо размахивая руками. Наверное, вид у меня был настолько дурацкий, что собака остановилась, удивленно склонила голову набок и все тем же галопом убежала обратно в кусты.

Когда я, даже не успевший испугаться, вернулся к костру, дети и жена смотрели на меня с таким восторгом, будто перед ними был какой-нибудь античный герой вроде Геракла.

Потом в нашей жизни было много всяких разностей. Но это вот чувство, когда, не задумываясь, бросаешься навстречу опасности, защищая своих детей, я запомнил хорошо и потом ему тоже следовал. Думаю, именно подобные случаи во многом определили наши с детьми отношения, которые сохранились

Трудно быть папой

и по сей день. Только теперь это уже я живу с полной уверенностью, что на свете есть трое молодых мужчин, способных не раздумывая броситься на мою защиту, какая бы беда мне ни угрожала.

ЗАЩИТА ОТ ЗАЩИТНИКА

Даже для очень сильного папы есть серьезная опасность, с которой он может не справиться. Опасность эта — он сам. Ведь для своих детей папа — бог, всемогущий властелин. А человеку быть богом очень трудно: слишком большой соблазн употребить власть не по назначению. Происходит это не враз, маленькими шажочками, постепенно и незаметно. Но вся беда в том, что остановить папу на этом скользком пути просто некому. И если он сам не сделает этого вовремя, то через несколько лет семейной жизни вполне себе приличный и добрый мужчина превращается в домашнего тирана, орущего на детей, раздающего им подзатыльники и грозно сверкающего глазами по поводу и без повода. Нет, он при этом конечно же остается защитником своей семьи от всех внешних угроз. Но кто теперь защитит семью от такого защитника?

Папина сила должна быть доброй. Обязательно и непременно, без каких-либо исключений. Наученный собственным горьким опытом, я сейчас абсолютно убежден, что нет и не может быть у папы никаких уважительных поводов для того, чтобы кричать на детей, угрожать им и уж тем более распускать руки. Потому что дети все равно будут тебя любить, даже такого. Но любовь к папе окажется разбавлена

Трудно быть папой

страхом и неуверенностью в том, что их самих есть за что любить. И горький этот «коктейль», которым ты напоишь их в детстве, потом будет отравлять всю их взрослую жизнь. А тебе до конца дней будет стыдно за то, что назад отмотать уже никак не получится.

ВЕРХ БАНАЛЬНОСТИ

Говорить о том, что папа должен воспитывать не столько словами, сколько личным примером, наверное, будет верхом банальности. Но говорить об этом всё же надо, потому что эта простая истина обладает странным свойством: она скользит лишь по поверхности сознания, не проникая глубже уровня, на котором опознается под тегом «ну-это-мы-уже-слышали».

Одно из самых губительных заблуждений папы — вера в то, что личность ребенка формируется как бы «сама по себе», независимо от того примера, который он видит в папином поведении. Ну, или формируется лишь там, где папа специально решил преподать ему некий полезный урок, а все остальное время ребенок лишь «переваривает» и усваивает полученные навыки и сведения.

На самом же деле каждая секунда, проведенная папой рядом с детьми, является воспитательным процессом, вне зависимости от папиных желаний и намерений. Каждая его привычка, каждый поступок, слово, жест, интонация — все это становится непрерывной чередой микроуроков, по которым ребенок строит свое представление о том, каким должен быть настоящий мужчина. Папа для них — первый герой и первая любовь. Конечно, потом дети

вырастут и поймут, что он отнюдь не был идеалом. Но важность этого первого их опыта восхищения и любви настолько велика, что мы зачастую просто не понимаем ее в полной мере.

Для детей (особенно для мальчиков) папа — бог. По его образу и подобию они будут расти и развиваться, потому что других образов перед ними еще нет, он пока — единственный и главный мужчина в их жизни. И папа должен помнить об этом всегда, чем бы он ни занимался и насколько бы маловажными с точки зрения воспитания ни казались ему эти занятия.

Чехов писал, что в человеке должны быть прекрасны и лицо, и мысли, и душа, и одежда. Так вот, папа для своих детей — образец человека. И от того, каким они его будут видеть каждый день своей детской жизни, зависит не только их представление о мужчине, но и представление о красоте, о любви, о правде. Сказал ли ты при них циничную шутку, наврал ли по телефону начальству, повысил ли голос в споре с женой, привык ли бродить по квартире в одних трусах — все это тут же становится частью воспитательного процесса. И последствия такого «воспитания» обязательно потом проявятся в их жизни. А через них — и в твоей тоже. Напакостил когда-то в детской душе — значит, жди: спустя годы прилетит всё это бумерангом обратно, и никуда ты не денешься от собственной грязи.